
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ПОСЛЕДНИХ РАБОТАХ К.А. СТЕПАНЯНА

ТАТЬЯНА ГЕВОРКЯН (Москва)

В сентябре прошлого, 2018 года ушел из жизни Карен Ашотович Степанян. Он был выпускником нашего университета, в 1974 году окончил филологический факультет ЕГУ по специальности «русский язык и литература». Без колебаний выбрал литературу и замечательно преуспел в ее изучении, чему – в культурно-образовательном плане – помимо студенчества, немало поспособствовала аспирантура в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (Москва), а также годы работы (1978–1988) в «Литературной газете», заметно расширившие его связи с литературной средой. Потом он перешел в журнал «Знамя», с которым – несмотря на тяготы редакторской работы, на некоторую чужеродность ему постперестроечного уклona «Знамени» – так и не расстался до конца своих дней. Печатаясь в этих и других периодических изданиях, он приобрел известность как литературный критик, обращенный, в основном, к современной русской, но и к армянской литературе.

Однако главной любовью, главной посвященностью его профессиональной жизни было и пребыло творчество Ф.М. Достоевского: его личность, его страстные, пророческие искания и прозрения, идейно-художественное своеобразие его романов, его поразительное самостояние среди великих писателей-современников, линии его сближения и расхождения с гениями прошлых веков (Сервантес, Шекспир). На этом пути Карен Степанян нашел себя очень рано: уже дипломная его работа была посвящена повести Достоевского «Двойник», кандидатская диссертация, защищенная в 1979 году, имела своим названием «Функция повествователя в романах Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера», и вряд ли при таком начале научной деятельности стоит удивляться, что докторская диссертация, защищенная почти три десятилетия спустя (2007), уже по написании двух книг¹, была – на новом, разумеется, и очень высоком уровне профессионализма и погруженности в тему – снова обращена к Достоевскому. Называлась она ««Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского». В продолжение темы спустя два

¹ Карен Степанян. Достоевский и язычество (какие пророчества Достоевского мы не слышали и почему?). Смоленск, 1992; Карен Степанян. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005.

года увидела свет еще одна монография К. Степаняна², а всего его перу принадлежат семь книг о Достоевском, под разными углами зрения рассматривающих не только само творчество писателя, но и экранизации и театральные постановки его произведений, работы коллег-достоевистов. Причем, адресуется К. Степанян не только к научному сообществу, но и к широкому просвещенному читателю, в том числе – к молодой аудитории³.

К концу своих дней он снискал признание как «выдающийся исследователь творчества Ф.М. Достоевского»⁴ с мировой известностью, был ведущим научным сотрудником Института мировой литературы РАН, заведующим отдела критики и членом редколлегии журнала «Знамя», вице-президентом Российского общества Достоевского, национальным представителем Российского общества Достоевского в Международном обществе Достоевского, основателем (1993) и главным редактором альманаха, а потом (с начала 2018-го) журнала «Достоевский и мировая культура».

28 ноября 2018 года в Музее-квартире Достоевского (Москва) прошел вечер памяти Карена Степаняна. Сказано было много добрых, проникновенных, справедливых, благодарных слов⁵. Тексты выступлений, а также присланные в письменном виде воспоминания друзей и коллег составили целый раздел в четвертом номере журнала «Достоевский и мировая культура». Отнюдь не столь щедро, но все же и журнал «Знамя» на страницах десятого номера прошлого года простился со своим многолетним сотрудником.

В Ереване на известие о смерти Карена Степаняна мгновенно отреагировал его друг, известный физик Ваагн Гюрзаян: большая, содержательная статья-некролог, подписанная им и Ервандом Тер-Хачатрянном, вышла в газете «Азг» от 28 сентября 2018 года.

И вот теперь пришла пора и мне сказать прощальное слово вслед ушедшему другу и коллеге. Однако, имея в виду специфику научного нашего журнала, я поведу здесь разговор не об удивительном человеке, с которым на одном курсе филфака свела меня судьба полвека назад, а об ученом-филологе, чья жизнь прервалась на пороге большого, уже начавшего осуществляться замысла.

О своем намерении написать творческую или, по его слову, духовную биографию Достоевского, начиная с первых проб пера и вплоть до великих романов, К. Степанян говорил мне уже два-три года назад.

² Карен Степанян. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб., 2009.

³ Здесь в первую очередь имеем в виду вышедшие в серии «Школа вдумчивого чтения» книги К. Степаняна «Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”». Учебное пособие» (М., 2014) и «Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”». Учебное пособие» (М., 2018).

⁴ «Достоевский и мировая культура». Филологический журнал. 2018, № 4, с. 211.

⁵ Запись вечера можно послушать по этой ссылке: <https://philologist.livejournal.com/10604559.html>

Однако о том, что непредставимо сложная, неохватно объемная эта работа уже начата, узнала я лишь летом прошлого года, когда вышел в свет третий номер журнала «Вопросы литературы» с его статьей «Достоевский – переводчик Бальзака». Позже выяснилось, что она была не единственной уже написанной частью общего полотна.

Сначала – из воспоминаний старшего научного сотрудника Литературно-мемориального музея Ф.М.Достоевского в Петербурге Натальи Шварц: «С любезного разрешения жены Карена Ашотовича Галины Владимировны и с ее помощью, – пишет она, – я в течение нескольких дней могла знакомиться с его архивом. Прежде всего с перепиской и рабочими столами на компьютере и ноутбуке <...> Интересно было попробовать разгадать творческие планы Карена Ашотовича. Из многочисленных файлов, сохраненных на рабочем столе компьютера в последнее время, возникает ощущение, что он готовился к написанию книги, главной темой которой должна была стать очень дорогая ему идея: биография Достоевского как источник всего творчества писателя. И прежде всего – период становления его как личности и осознания себя писателем <...> Есть на рабочем столе папка, названная «Монография». В ней два текста, озаглавленные “Глава 1. Достоевский – переводчик Бальзака. Начало формирования реализма в высшем смысле” и “Глава 2. Почему люди в первом романе Достоевского – бедные?” Кроме того, в письме к Наталье Черновой от 13 августа 2018 года Карен пишет: «Я сейчас буду писать главу после “Двойника” и мне очень нужно перечесть все твои работы по этой теме». И резюмирует: «Возможно – это начало будущей книги»⁶. Ценное это свидетельство требует, однако, двух уточнений: во-первых, не «возможно», а совершенно достоверно; во-вторых, не только «период становления» Достоевского «как личности» должен быть стать предметом рассмотрения задуманной монографии, но весь его путь.

Позже – из четырех работ К. Степаняна, опубликованных в последний год его жизни: трех статей и одной книги. О них и хочу рассказать.

Статья о первой печатной публикации Достоевского – переводе романа «Евгения Гранде» Бальзака (к сожалению, из трех статей последнего года только ее успел увидеть автор уже в типографском наборе) посвящена подробному сравнительному анализу двух текстов романа – на языке оригинала и в переводе на русский. В этом отношении она с полным правом помещена в рубрику «Сравнительная поэтика», хотя от вопросов поэтики нить мысли, как, впрочем, всегда у К. Степаняна, настойчиво тянется к мировоззренческим вопросам. Исследователя интересует, что и как трансформируется в русском переложении, носят ли отступления от оригинала случайный или системный характер. При этом

⁶ «Достоевский и мировая культура». Филологический журнал. 2018. № 4, с. 227, 228.

он напоминает, что для молодого Достоевского Бальзак был «одним из любимейших (а значит, потенциально творчески близких) авторов»⁷. Но несмотря на эту близость, стоящий в преддверии своего собственного творчества Достоевский в ряде пунктов настолько расходится с французским классиком, что последовательно «вмешивается» в его текст.

В чем, именно?

Ну, например, в описании вещного мира. «В самом начале описания провинциальной улицы в Сомюре появляется ощущение, что Бальзак рассказывает нам о внешней стороне улицы, внешнем облике домов, а в переводе акцент делается на попытке “заглянуть под крыши этих жилищ” (слова самого Достоевского, у Бальзака их нет): что там происходит? У Бальзака взгляд извне, в центре дом. У Достоевского взгляд изнутри, в центре сам дом, то, что под крышей дома»⁸. Так, еще до написания «Бедных людей», у Достоевского проявляется исконная его тяга к глубинам внутреннего мира человека, к скрытым пружинам действий и обстоятельств.

Другой, не менее убедительный пример: ироничные высказывания о религии, а их немало в романе Бальзака, Достоевский последовательно либо пропускает, либо передает в нейтральном тоне. И хотя понятно, что тут могли играть свою роль и цензурные соображения, «но по общей тональности всего перевода, – пишет К. Степанян, – следует заключить, что по крайней мере немалая часть исключена»⁹ или нейтрализована самим Достоевским.

Проделанный в статье сопоставительный анализ двух текстов, дополненный немалым количеством наблюдений предшественников (особенно В.С. Нечаевой), дает достаточное представление об «общей тональности» перевода, позволяет убедиться в том, что вмешательства Достоевского в переводимый текст носили целенаправленный характер и соотносились с его внутренней установкой – творческой и мировоззренческой. И потому вполне обеспеченным представляется основной вывод К. Степаняна: «Достоевский здесь (в переводе «Евгений Гранде». – Т.Г.) начинает нащупывать свой будущий “реализм в высшем смысле”. Этот творческий метод предполагает изображение мироздания во всем его объеме и целостности, мира иного и мира этого в их подлинной реальности, неразрывном единстве и взаимопроникновении...»¹⁰.

Номер журнала с этой статьей запаздывал с выходом в свет по каким-то техническим причинам: прошел весь июнь, шел к концу июль, а номера все не было. И это заметно беспокоило К. Степаняна, он не раз справлялся в редакции и даже однажды, не желая, видимо, быть излишне

⁷ «Вопросы литературы». 2018. № 3, с. 326.

⁸ Там же, с. 328.

⁹ Там же, с. 329.

¹⁰ Там же, с. 335.

настойчивым, попросил меня узнать, в чем там дело. То ли ему так дорога была именно эта статья и этот вывод из нее, то ли не терпелось увидеть напечатанным начало будущей монографии, то ли, предчувствуя что-то неладное, он торопился сам и торопил события... Не знаю. Знаю только, что к середине августа он уже держал в руках третий номер «Вопросов литературы», и – с большой долей вероятности – то был последний раз, когда ему довелось увидеть свой текст в печатном наборе.

Во всяком случае следующая статья 2018 года (она соответствует второй главе «монографии» в компьютерной записи), помещенная во второй номер редактируемого им самим журнала «Достоевский и мировая культура», пришла к читателю уже после его ухода. По иронии судьбы номер был подписан к печати в день смерти главного редактора – 15 сентября. О чем же она, эта статья – с вынесенным в название вопросом: «Почему люди в первом романе Достоевского – бедные?», – и как выстраивается в ней высказывание автора?

Начать разговор о классическом произведении непосредственно со своего собственного взгляда на него было бы непозволительным нарушением профессионального этикета. С другой стороны, попытаться охватить все высказанные за более чем полтора столетия точки зрения означало бы похоронить свою мысль под огромным грузом чужих мнений. К. Степанян никогда не позволял себе первого и – на сей раз особенно успешно – избежал второго. В результате после необходимого, очень выборочного, но достаточного обзорного вступления он начинает встраивать свой голос в разработку темы, не забывая при этом по ходу разговора точно обращаться к наблюдениям своих предшественников. Так, например, он приводит три толкования слова «бедность», данные в связи с романом К. Барштом: «бедность» – полуголодное существование, «бедность» – социальная приниженность, заставляющая человека ощущать себя чуть ли не ничтожеством, «бедность» – как состояние духовно богатой натуры, страдающей в условиях несовершенного мира, где зло неизменно оказывается сильнее добра.

Не оспаривая их, К. Степанян, сославшись сначала на известную запись Достоевского, сделанную у гроба первой жены («Возлюбить другого человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует»), добавляет четвертое: «бедным», достойным сожаления делает «неспособность человека, даже искренне стремящегося к любви и добру, искренне любящего другого, ощутить этого другого как себя, отрешиться от собственных интересов и понятий о добре и зле»¹¹, словом – неспособность «по-настоящему услышать» и понять другого.

¹¹ «Достоевский и мировая культура». Филологический журнал. 2018, № 2, с.47. Далее в тексте в скобках указывается страница журнала.

И далее следует медленное, вдумчивое чтение текста писем Макара Девушкина и Вареньки, как бы «первыми глазами» увиденного. Здесь большое внимание уделяется и упомянутым в письмах художественным произведениям, и кругу чтения героев, и забота о «слоге», столь характерная для Девушкина, и его неумение оценить действительно прекрасный слог Вареньки, и глухота к тетради с воспоминаниями Вареньки, и многое другое, что говорит о несколько даже болезненной сосредоточенности Девушкина на себе самом – при несомненной вроде бы любви к адресату писем.

Эта часть статьи очень хороша и неотразимо убедительна.

Разумеется, К. Степанян не был первым, кто в приеме медленного чтения анализировал «Бедных людей». Он и сам ссылается на В.Ветловскую, которая «в результате тонкого и проникательного анализа переписки Девушкина и Вареньки приходит к выводам, близким» его собственным. В частности, она чуть ли не первой «указывает, что Достоевский здесь пишет не о “бедных людях”, а просто о *людях*» (с.59, 60). «Но причину чуждости, невозможности услышать друг друга В.Ветловская видит в “социальной структуре общества”, основанной на имущественном неравенстве...» (с.59), тогда как автор статьи считает: «одним из главных открытий Достоевского в этом произведении было выявление того, что никакие материальные условия сами по себе не облегчают сотворения добра и не освобождают человека от ответственности за совершаемое им» (с.60).

С каким, однако, багажом жизненного опыта и литературных впечатлений пришел 23-летний писатель к такому пониманию вещей? Осознавая всю важность этого вопроса, К. Степанян не обходит его стороной: «*Пережитое* сводилось в основном к постижению реальной жизни разных слоев петербургского населения. А *прочитанное* – тоже во многом пережитое – к усвоению самых разных произведений русской и мировой литературы, в основном романтического и сентиментального направлений» (с.48): от Шиллера до Гюго и Ламартина, от Жорж Санд до Байрона и Гофмана. Немалое влияние оказали на него и создания натуральной школы, от Гоголя до физиологических очерков.

Но было еще видение на Неве, описанное в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе». Из большой выписки оттуда, приведенной К. Степаняном, по необходимости извлеку лишь часть: «Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленное <...> И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были какие-то странные, чудные фигуры, вполне прозаические, совсем не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за эту

фантастическую толпу, и передегивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и все хохотал. И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним и какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся эта история» (с.67-67).

По-своему трактуя это видение, посетившее писателя в ключевой момент творческой истории «Бедных людей» и во многом определившее окончательный облик романа, К. Степанян пишет, что его «можно расценивать как первое осознание великим писателем онтологической реальности зла, то есть присутствия в мире того реального злого начала <...> в рабство к которому попадают не знающие истины люди» (с.67).

Это осознание привело к глубокому духовному кризису ретроспективно запечатленному позже в «Униженных и оскорбленных». Его засвидетельствовали и близко знавшие в те годы Достоевского люди. От гибели спасло тогда, как Гете, спасшегося «Страданиями молодого Вертера», лишь творчество – роман в письмах «Бедные люди».

Навеянное этим видением представление о мире как управляемом силами зла привело Достоевского некоторое время спустя к идее революционного переустройства жизни. И лишь по прошествии десятилетия он нашел истинный ответ и путь, которыми были осенены великие его романы.

Возвращаясь к «Бедным людям», посмотрим, как формулирует К.Степанян художественный метод Достоевского в этом произведении. Отталкиваясь все от того же видения на Неве, он пишет: «Источником текста стало в некотором смысле нечто ирреальное, фантастическое, – и вместе с тем вполне прозаическое, приближенное к реальности <...> Здесь уже начал выработываться один из главных принципов «реализма в высшем смысле» Достоевского: творческий процесс проходит на грани “фантастического” и эмпирического, причем “фантастическое” – это то, что как бы послано автору свыше, а эмпирическое – это изображение окружающей действительности в таком ракурсе, который позволяет увидеть ее в свете вечности» (с.71). Однако на этом этапе подступов к «реализму в высшем смысле» автор предлагает для определения метода Достоевского термин «реалистический сентиментализм» и достаточно развернуто обосновывает его.

Есть в статье и рассуждения о жанре «Бедных людей», как и вопрос жанрообразования в раннем творчестве писателя в целом. А под конец говорится о формах присутствия автора, его голоса в повествовании, целиком состоящем из переписки двух героев.

Вообще круг поставленных или хотя бы затронутых в статье проблем очень широк. Большая по объему, она носит характер фундаментальной

работы, представляет собой некий краеугольный камень, на котором должно было надстраиваться здание целой книги. Какие-то линии будущей книги намечены уже здесь, а иногда и названы в открытую (как на с. 70) – с обещанием дальнейшего их рассмотрения: «Этому будут посвящены последующие работы»...

Успела последовать, к великому сожалению, еще только одна работа – статья «Биография автора как источник комментария к роману Ф.М.Достоевского “Братья Карамазовы”». Составляя третий номер своего журнала, К. Степанян поставил ее в раздел «Биография».

Продублированное в названиях статьи и рубрики слово само по себе говорит уже о том, что он не расставался с главной на этом этапе своей идеей: жизнь Достоевского и его творчество брать и раскрывать в неразрывном единстве, под биографией понимать не только внешне-событийный ряд, но и связанный с ним – из него вырастающий и его преобразующий – путь духовных исканий, заблуждений, кризисов, преодолений, прозрений, запечатленный в художественном слове, – идеей, которая начала реализовываться в двух первых главах будущей «монографии».

Правда, на сей раз резко нарушена хронология: от первых проб пера сделан перескок к последнему роману Достоевского. И тем не менее, очевидно, что «Биография автора...», так или иначе, мыслилась как часть большого полотна. Об этом говорит и контекст, в котором было сказано о «последующих работах»: «Из не утвердившейся еще основы “реализма в высшем смысле” – и двойственность роли слова и “слога” в ранних произведениях: *слова даже в конечной своей глубине не соединяют людей друг с другом и с Богом <...>* Достоевскому надо было пройти через кризис “Записок из подполья”, чтобы прийти к подлинному “реализму в высшем смысле” в своих великих романах». Когда же он «утвердится, станет возможным то, что произошло с Подростком: “перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и **записывания**” (выделено К.Степаняном. – Т.Г.)» (с.70). Отсюда следует, что и в разговоре о «Бедных людях», исследовательская мысль учитывала *все* творчество писателя, включая и «великое пятикнижие», венцом которого стал роман «Братья Карамазовы».

Можно догадаться об одной, по крайней мере, причине того, почему, радикально нарушая последовательность сюжета «монографии», К.Степанян сразу после истока обратился к финалу. Но об этом чуть позже. А пока обратим внимание на то, что последняя эта статья исполнена в совершенно другом приеме, нежели две предыдущие: она носит, скорее, методологический, до определенной степени прикладной характер. Разумеется, в ней содержатся и базовые положения, обоснование последующих рекомендаций комментаторам: приводятся слова

Н.А.Бердяева («Он ничего не утаил <...> В судьбе своих героев он рассказывает о своей судьбе, в их сомнениях – о своих сомнениях, в их раздвоениях – о своих раздвоениях, в их преступном опыте – о тайных преступлениях своего духа <...> Он всего себя вложил в свои произведения. По ним можно изучать его»¹²), дается отсылка к письму И.С.Аксакову, где Достоевский говорит о «Братьях Карамазовых» («Подвожу итог произведению, которым я, по крайней мере, дорожу, ибо много в нем легло меня и моего» [с.122]), вовлекается в орбиту разрабатываемой темы и свидетельство дочери писателя о том, что отец «изобразил себя в Иване Карамазове» (с.126) и, наконец, признание писателя в том, что он «сделал художественное произведение из самого себя» (с.124).

Опираясь на такую солидную (куда более солидную, чем можно судить по нашей выборочной цитации) поддержку основной своей идее, К.Степанян предостерегает, однако, комментаторов от упрощенного подхода к выявлению жизненных параллелей с творческим переосмыслением пережитого, ибо между фактом биографии и созданием на его основе художественного текста лежит, как правило, немалая временная дистанция и – что еще важнее – некий смысловой «сдвиг», возникающий «между позицией самого Достоевского и позицией его героя *к тому времени*, когда последний повторяет слова и мысли своего автора» (с.124). Словом, он призывает комментаторов «попытаться проследить и осмыслить процесс претворения деталей биографии в составную часть художественного мира» (с.121).

Что и говорить, поставленная задача не из легких. И на пути ее решения неизбежно возникают спорные моменты. На одном из них подробно останавливается К. Степанян, убежденный в своей правоте, несмотря на то, что далеко не все разделят его мнение. Он утверждает, что в позднем своем творчестве, и особенно в великом пятикнижии, «Достоевский приносил покаяние за грехи молодости, когда он, по собственному признанию, “страстно принял все учение” Белинского <...> выслушивал (по меньшей мере) рассуждения петрашевцев о необходимости “подрывать и разрушать всякие религиозные чувства”, ибо “религия препятствует развитию человеческого ума, а потому и счастья” <...>. Расчет с “уклонениями” своей молодости Достоевский производит в работе над образом Ивана Карамазова. Спорят о том, кто послужил прототипом для Дмитрия, Ивана и Алеши Карамазовых <...> на наш взгляд прототип тут один – сам Федор Михайлович Достоевский на разных этапах своей духовной эволюции» (124, 126).

Однако выявляемая здесь взаимозависимость биографии и творче-

¹² «Достоевский и мировая культура» Филологический журнал. 2018, № 3, с. 121. Далее в тексте в скобках страницы указанного номера журнала.

ства, не в последнюю очередь, вероятно, в силу своей полемичности, не предлагается в качестве комментария. Так же точно, хоть и по другим соображениям, не обсуждаются, а только перечисляются в статье и «достаточно простые», очевидные примеры. И далее начинается разговор о тех случаях связи произведения с биографическим фактом, «которые способствуют обогащению или даже новому прочтению основных смыслов романа» (с.130).

И на первом месте оказывается постигшее семью Достоевского несчастье: в мае 1878 года умирает трехлетний сын Алеша. Ища духовной поддержки в очень тяжело переживаемой утрате, писатель отправляется в Оптину Пустынь, где трижды встречается со знаменитым старцем Амвросием. Обращаясь к Подготовительным материалам к роману, К.Степанян показывает, какие изменения претерпел замысел после этой поездки: если *до* нее роман виделся «во многом продолжением не реализовавшихся в свое время сюжетных линий “Идиота” <...> то затем, *после* пребывания в Оптиной, появляется “схимник” Алеша <...> и становится в центре замысла. Одновременно появляется и будущий Зосима <...>. Идиот отходит на периферию <...> и скоро вовсе исчезает. Нащупываются центральные темы романа – братства семейного и братства христианского, *реальности этого идеала здесь, на земле*» (с.130,131). И далее совершенно справедливо говорит, что иначе как пережитым горем и поездкой в Оптину Пустынь такие метаморфозы замысла объяснить невозможно.

Другой пример: для образа старца Зосимы, который «не творил чудес и не был их свидетелем», очень важен случай, когда старушка спрашивает его, помянуть ли за упокой сына, уже год не подающего о себе вестей. Он ей запрещает это и обещает, что будет ей весточка от сына, что и происходит. То есть чудо все же было – пусть и одно. Между тем, по свидетельству жены Достоевского, с ним самим произошел аналогичный случай: нянька их детей обратилась к нему с таким же вопросом, услышала такой же ответ и вскоре получила письмо от сына. В свете этого совпадения, считает К. Степанян, «можно прочесть описанный в романе эпизод и по-другому: либо как простое стечение обстоятельств, либо как отклик Бога на молитву (Достоевского в действительности, Зосимы в романе), *не зависящий от степени святости молящего*. В комментариях этот факт, несомненно, должен быть указан, ибо <...> способствует <...> прояснению одного из главных смыслов романа – “в реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры”».

Как должна быть отмечена в комментариях и уникальная духовная связь писателя с братом Михаилом, их переписка, их совместная журнальная работа, потому что эти отношения оказали влияние на формирование идеала братства – центрального в «Братьях Карамазовых».

Ограничусь этим, хотя в статье приводятся, разумеется, и другие совпадения, а также связанные с ними рекомендации. Ограничусь, ибо из сказанного вполне определенно явствует: главный пафос этой работы состоит в том, чтобы взгляду широкого читателя, а не только филологов-достоевистов открылся, помимо самого романа, «жизненный подстрочник» к нему. Воспользуется ли читатель тщательно подготовленным комментарием, поможет ли ему научный аппарат найти *свой* путь понимания, станет ли гений Достоевского ему роднее и ближе – это уже другой вопрос, вопрос свободного выбора каждого, кто обращается сегодня к литературной классике.

А здесь остается сказать о том, почему, на наш взгляд, отступив от хронологической последовательности, К. Степанян обратился в этой статье к последнему роману Достоевского. Дело в том, что в 2018 году вышла в свет уже упомянутая нами книга «Путеводитель по роману Ф.М.Достоевского “Братья Карамазовы”». Писался он, разумеется, раньше, писался, по признанию самого автора, трудно, хотя материал был давно изучен и книга адресовалась не ученому содружеству, а молодому, учащемуся поколению. Однако это последнее обстоятельство никогда не было для К. Степаняна облегчающим, напротив – ему сопутствовала дополнительная ответственность: без упрощений, без редукции «внутренних сюжетов» и главных идей раскрыть в доступном изложении суть великого романа, вокруг которого и поныне не утихают страсти.

«Путеводитель...» вышел в серии «Школа вдумчивого чтения». Поэтому вполне естественно, что исполнен он в приеме медленного, комментированного чтения и дает массу фоновых, попутных знаний о писателе, его произведении и разных на него реакциях как наших современников, так и современников Достоевского. В конце вступительного слова автор пишет: «Надо учитывать, что для полноты понимания текста непременно следует пользоваться уже существующими комментариями <...> Всё откомментировать в нашей небольшой работе невозможно, кроме того, многое в данной сфере уже сделано на высоком уровне»¹³. Полагаю, опыт работы над «Путеводителем...», необходимость искать и находить аргументы в пользу полноценного восприятия романа сказались в написании статьи, где к уже существующему комментарию предлагается добавить отсылки к некоторым фактам биографии Достоевского, в том числе и к тем, которые привлекались К. Степаняном в его разговоре с молодой аудиторией.

В заключение – несколько слов более общего характера. Творчество Достоевского, невероятно широко востребованное не только в XIX, но и в XX и XXI веках как в России, так и повсеместно в мире, до сих пор

¹³ К. Степанян. Путеводитель по роману Достоевского «Братья Карамазовы». Учебное пособие. М., 2018, с. 16, 17.

остаётся полем битвы идей и мировоззрений. Карен Степанян, посвятивший, без преувеличения, всю свою жизнь его изучению, был убежденным сторонником православного мировоззрения, и это сказалось, разумеется, в его исследовательских подходах, в конечном итоге – во всем его обширном научном наследии. Стоя на других позициях, можно не соглашаться с целым рядом его наблюдений и выводов, он и сам это понимал и всегда был чуток и внимателен к непредвзятой критике. Но нельзя не признать честность и значительность его как ученого с очень большим диапазоном знаний, с не покинувшим его до самых последних дней страстным желанием «мысль додумать». Мысль об «общечеловеческом гении» – Федоре Михайловиче Достоевском.

Ключевые слова: *достоевистика, «реализм в высшем смысле», К. Степанян, монографии, статьи*

SUSSELIAN ԳԵՎՈՐԳՅԱՆ - Ֆ. Մ. Դոստոևսկին Կ. Ա. Ստեփանյանի աշխատանքներում – Հոդվածում ընդհանուր գծերով ներկայացված է Կարեն Ստեփանյանի (1952-2018) գործունեությունը՝ մասնավորապես միջազգայնորեն ճանաչված այդ խոշոր գիտնական-գրականագետի ներդրումը դոստոևսկիագիտության ասպարեզում: Մանրամասն քննարկվում են գիտնականի հրատարակված վերջին աշխատությունները, որոնք կապված են նրա՝ անավարտ մնացած գիտական մտահղացումների հետ:

Բանալի բառեր – *դոստոևսկիագիտության, «ռեալիզմ բարձրագույն իմաստով», Կ. Ստեփանյան, մենագրություն, հոդված*

TATYANA GEVORGYAN – F. Dostoevsky in the Latest Works of K. Stepanyan. – This article is dedicated to the memory of Karen Stepanyan (1952-2018), a prominent expert in literary studies, internationally known in particular for his numerous scientific works and extensive organizational activity in the field of studies about Dostoevsky. The author presents in general terms the activity of Karen Stepanyan in the sphere of literary criticism and science, then examines latest published works of the scientist in details, in the context of their connection with his new scientific concept, which remained unfinished.

Key words: *in the memory, scientist, K. A. Stepanyan, studies about Dostoevsky, the monograph's idea, last articles*

Поступление: 05.06.2019

Рец.: 15.05.2019

Принято к печати: 15.07.2019